

Мое знакомство с Дмитрием Васильевичем началось самым оригинальным образом благодаря обязательной рекомендации А.В. Старчевского - издателя газеты "Сын Отечества", в которой напечатан был один из моих рассказов.

Подавая мне аляповатое изображение какого-то господина с бакенбардами, г. Старчевский внушительно произнес:

- Вот это наш знаменитый народный писатель Григорович... Возьмите себе на память... Мы в виде бесплатной премии рассылаем этот портрет всем своим подписчикам...

Получив столь ценный подарок, я не замедлил оповестить о нем всех своих товарищей, вследствие чего портрет Дмитрия Васильевича, переходя из рук в руки, начал странствовать по всем номерам Медицинской академии и таким образом немало способствовал популярности знаменитого беллетриста и возбуждению интереса к его произведениям.

Как известно, беспощадная сила времени стусевала имя этого литературного корифея, занимавшего вполне законное место наряду с Тургеневым, Толстым, Достоевским, Некрасовым и Гончаровым. Дмитрий Васильевич на долгое время прекратил свою творческую деятельность ввиду появления целой плеяды новых литературных светил, большая часть которых была одержима "гражданской скорбью" и провозглашала, что "сапоги - выше Пушкина". Это смутное время даже самого И.С. Тургенева заставило положить перо и сказать: "Довольно!". Как бы то ни было, но мне как сотруднику "Современника", еще не успевшему облачиться в "ризу спасения" захудалого журнала "Отечественные записки", посчастливилось лично познакомиться с Дмитрием Васильевичем. Однажды я получил от Некрасова приглашение к нему на обед, за которым лицом к лицу встретился с г. Григоровичем. Наружность знаменитого писателя, его манеры, даже самый голос сразу очаровали меня. Он сидел со мною рядом и громко спрашивал автора "Записок охотника":

- Помнишь, Тургенев, в твоём Спасском белого быка?..

- Как же не помнить! - с добродушной усмешкой отвечал Иван Сергеевич.

- Совершенный египетский апис... Я ужасно любил его... А помнишь, с какой жадностью ты истреблял сливочное масло?

Тургенев на это ничего не отвечал, а лишь снисходительно улыбнулся.

Но вот наконец Дмитрий Васильевич удостоил и меня вопросом:

- Что вы теперь работаете, Успенский?

- Пишу очерк под названием "Обоз".

- Что ж тут интересного! Вы хотите описать мужиков, которые едут с рядой в город?

- Да, - робко отвечал я.

- Но у вас, мне кажется, ничего не выйдет... Что это за сюжет!.. Ну, едут себе мужики и едут... Я тут ничего не понимаю...

Время показало, однако, как глубоко заблуждался Дмитрий Васильевич. Мой "Обоз" стяжал мне неувядаемую славу "знатока народного быта", неоднократно удостоивался чести быть прочитанным на сцене Малого театра Садовским, а в Александринке ему пришлось даже фигурировать в качестве драматической пьески в бенефис Васильева 2-го. Даровитый бенефициант с присущим ему неподражаемым комизмом в таком совершенстве исполнил роль лакея с отмороженным носом, что привел публику в восторг. Обутый в белые валенки, он торопливо бегал по сцене и кротко говорил, держась за свой нос:

- Хозяюшка, нет ли у вас, родная, гусяного сальца?

- Да что, ты разве нехристь какой? - зычным голосом отвечала дворничиха. - Греховодник этакой!.. Разве не знаешь, что теперь пост?

- Да ведь мне сало-то не есть, красавица моя, а только помазать нос! - произнес Павел Васильевич таким тоном, что вся публика разразилась громким хохотом и наградила бенефицианта долго не смолкавшими рукоплесканиями.

К сожалению, остальные актеры в весьма значительной степени ослабили успех моего миниатюрного произведения, обувшись в новенькие лапти, напялив на себя какие-то снежной белизны балахоны и поставив своей неременной обязанностью завалиться на колыхавшуюся во все стороны печку, чем и привели публику в крайнее беспокойство и смущение...

По окончании некрасовского обеда все литературные светила со своими спутниками под влиянием Бахуса сочли нужным возлечь на мягких широких диванах и потолковать "по душе"... Дмитрий